

П. Г. Рогозный

Гражданский брак, развод и революция: Конец семейного насилия или разложение семьи?

Я всегда тебе говорил, что у нас развестись нельзя,
а жениться на двух можно.

Лесков Н.Г. На ножах (1870) //
Собр. соч. М., 1993. Т. 2. Кн. 2. С. 186.

Сразу после победы Февральской революции в Петрограде в Технологическом институте сложился местный революционный центр, который начал претендовать и на судебные функции. Руководителем военной комиссии Временного комитета Государственной думы и комендантом Московского района был назначен А. И. Тарасов-Родионов, который заседал в здании Технологического института. Впоследствии он вспоминал, что к нему обратилась одна женщина с просьбой развести ее с мужем. К вопросу о разводе он отнесся серьезно, потребовал от женщины представить ему злополучного мужа. Очевидно, муж на него произвел отрицательное впечатление, и он оформил развод. «И женщина, — писал он, — уходила с лучезарно-счастливым лицом». На постановлении о разводе была печать «общества взаимопомощи студентов-технологов»¹.

В данном случае Тарасов-Родионов в целом говорил правду. О том, что в «техноложке» так легко развестись, появилась даже статья. По сообщениям газеты, женщины, мечтающие о разводе, «измученные адом семейной жизни»

потянулись в Технологический институт². Конечно, наивно объяснять, что бумажка о разводе даже с печатью ничего не значила, официально оформить развод даже после революции могла только Церковь.

Временное правительство стремилось внести радикальные изменения в семейные отношения, но не успело. Так, планировалось ввести гражданский брак³. Впрочем, изменения, внесенные в устав духовных консисторий о расторжении браков, выглядят комичными в год революционных потрясений⁴.

Причем желающих развестись было так много, что они, просители, обращались даже в Петроградский Совет. Представители Совета по-революционному могли указывать, как поступать, но в большинстве случаев просили заявителя подать прошение о разводе там, где разводили, т. е. в духовную консисторию⁵.

Большевики подошли к семейному вопросу радикально. Декретов о браке и разводе в первые месяцы Советской власти было три — это «Декрет о расторжении брака»⁶, «Декрет о гражданском браке»⁷ и «Декрет о свободе совести»⁸. Последний уже во второй публикации стал называться «Декретом об отделении церкви от государства и школы от церкви». Эти декреты можно назвать «церковными», потому что они напрямую пересекались с церковным правом и передавали светским органам то, что столетиями находилось в юрисдикции Церкви⁹.

Одним из главных положений всех трех декретов было введение так называемого «гражданского брака» (в данном случае имеется в виду первоначальное, не современное значение этого термина). Если сейчас считается «гражданским браком» состояние, когда пара живет вместе без регистрации своих отношений, то тогда это называлось просто «сожитием». Известный канонист Н. С. Суворов писал в конце XIX в.: «Гражданский брак не означает беспорядочное незаконное сожитие, которое у нас нередко называют “гражданским браком”, а брак секуляризированный, то есть брак законный с точки зрения светского закона, регулируемый светским законодательством, а не церковным, и по соображениям государственного интереса и порядка, а не церковного»¹⁰.

К тому времени были три формы гражданского брака.

Во-первых, «вынужденный» гражданский брак, когда Церковь отказывает в заключении брака по причине, например, иноверия одного из брачующихся.

Во-вторых, «факультативный» гражданский брак, когда один или двое из брачующихся желают заключить брак без содействия Церкви.

В-третьих, «обязательный» гражданский брак как обязательная форма заключения семейного союза по законодательству данного государства. После этого брачующиеся могут по желанию освятить свой брак в церкви¹¹.

Большевиками был введен третий вариант гражданского брака — «обязательный», который сохраняется и сегодня. Хочется еще раз подчеркнуть, что к современному «гражданскому браку» тот, что ввели большевики, не имеет никакого отношения.

Впервые в России возможность невенчанного в официальной церкви брака появилась в 1874 г., и это касалось старообрядцев. Желающий узаконить свой

брак старообрядец должен был объявить в местном полицейском управлении или в волостном правлении, что он вступает в брак. Вслед за этим полицейские органы выставляли объявление на видном месте, чтобы любой мог сообщить местной власти о невозможности данного брака. После записи в специальной метрической книге, которую вели полицейские органы, брак мог считаться официальным, что было очень важно в условиях законодательства имперской России¹². При регистрации должны были присутствовать два свидетеля, гарантировавшие, что препятствий к заключаемому браку нет.

При Временном правительстве было впервые закреплено внеисповедное состояние, т. е. человек мог не принадлежать никакому вероисповеданию; на этих людей были распространены правила о гражданской регистрации¹³. Это было близко к тому, о чем говорилось в большевистском декрете и что в нем называлось гражданским браком, — т. е. брак, зарегистрированный в светских органах без церковного венчания. В определении Собора по поводу декрета о браке отмечалось: «...брачные сожития на основании одной только записи в гражданские книги, или так называемые гражданские браки, непременно должны быть освящены церковным венчанием»¹⁴.

Впрочем, в начале фактически большевистское законодательство мало что поменяло в вопросе заключения брака: в своем большинстве брак по-прежнему в основном регистрировали в церкви, а развод осуществляли церковные институты по тем же принципам, что и раньше. «Брачный кодекс» имперской России был обширен и чрезвычайно запутан, о семейном праве было написано много литературы, особенно до революции, и уже тогда говорили о его несовершенстве и архаичности¹⁵. Сборник законов о браке и разводе, составленный канонистом Григоровским, вмещал более 300 страниц и содержал множество нюансов, знать которые было трудно даже образованному священнику¹⁶. Чтобы показать, что препятствий к венчанию нет, священник письменно должен был заполнить так называемый «брачный обыск»¹⁷.

Развестись в России было очень трудно, более того, для человека без денег и связей фактически невозможно. Бракоразводные процессы даже таких культовых фигур, как А. В. Суворов, ни к чему не привели. Полководец, несмотря на все усилия, так и не смог развестись. Все это создавало в обществе мнение, что разводов в России нет¹⁸. Больше всего страдали от этого простые женщины. Пьянство и как следствие этого избиение слабого пола были в порядке вещей, но на это долго просто не обращали внимания¹⁹. «Бабы стоны» — это словосочетание, появившееся в печати, лучше всего передает ненормальную атмосферу семейного права того времени. Избиение женщин принимало форму народного бедствия и не обязательно осуществлялось в пьяном виде²⁰. Причем за возможность официального развода выступали мировые судьи, чтобы предотвратить бытовые преступления²¹.

«Думаю, нигде так не бьют женщин так безжалостно и страшно, как в русской деревне», — писал Горький и в качестве примера приводил народные «по-

словицы-советы» — «Жена дважды мила бывает: Когда в дом ведут, да когда в могилу несут». «На бабу да на скотину суда нет». «Чем больше бабу бьешь, тем щи вкуснее»²².

Поводом для наиболее быстрого развода была супружеская измена, но чтобы развестись, требовалось наличие свидетелей факта прелюбодеяния «виновной» стороны. Естественно, что удостоверить факт «совокупления» проблематично, хотя при наличии денег и связей всегда находились нужные свидетели. Синодские чиновники, занимавшиеся бракоразводными процессами, быстро сколачивали большие состояния²³. Современный американский историк Грегори Фриз иронизирует относительно той легкости, с которой находились свидетели супружеской измены: двери домов в России, «похоже, никогда не запирались»²⁴.

Осенью 1917 г. присяжный поверенный И. А. Шпицберг подготовил два законопроекта о разводе и гражданском браке²⁵. Они были приняты за основу первых «церковных» декретов новой власти. Причем Шпицберг²⁶ вписал в проект фразу о том, что «духовный сан не может препятствовать вступлению в брак». В окончательной редакции эту провокационную фразу вырезали²⁷.

Вероятно, после «брачных» декретов Советской власти ситуация не сильно менялась, но первоначальная эйфория по поводу новых декретов присутствовала. «Брачное раскрепощение» — так называлась статья в петроградской газете. «При отделении церкви от государства, при декретах, устанавливающих институт гражданского брака, едва ли будет надобность в брачных процессах, по крайней мере, в той архаичной форме, в какой они производились до сих пор... консистории мало было дела до того, что жизнь той или иной супружеской четы стала совместно невозможной, что они уже давно враги. Нет! Подавай им доказательства измены»²⁸. Но как соотносится новое законотворчество со старым, было не всегда понятно и вызывало ряд эксцессов.

Комиссар Самарской губернии в 1918 г. требовал от духовенства «немедленно приступить к исполнению воли народа, т. е. совершать обряды венчания граждан, разведенных гражданским судом по декрету Народных Комиссаров, причем уклоняющиеся от этого будут увольняемы от должности и преданы суду». Значит, священника, не желавшего венчать «сомнительный» брак, могли уволить как государственного чиновника?

И действительно, случаи ареста и даже расстрела священника, не желавшего повенчать сомнительный брак, были. Так был расстрелян Федор Распопов, священник Тобольской епархии. По рассказу его брата, тоже местного священника, Распопов был арестован за отказ повенчать брак людей «разведенный по большевицкому декрету». Причем «большевиков» и их «комиссара» брат расстрелянного священника знал — «крестьянин слоб. Туринского прихода»²⁹.

В Калуге местный комиссариат вообще издал приказ о наказании священников, не желающих венчать граждан, расторгнувших предыдущий брак через суд. «Усматривая в этом противодействие декрету Советской власти, объявляю,

что в случае отказа в венчании виновные священники будут подвергаться суду революционного трибунала».

Епископ Калужский и Боровский Феофан (Туляков) в своем рапорте в Синод изложил приблизительный разговор солдат, требующих их немедленного развода. «Солдаты в консисторию приходят со штыками и штыками заставляя немедленно развести их с женами... На требования солдат немедленного постановления консистории о выдаче им документов о расторжении браков и на заявление служащих консистории о том, что эти требования противны церковным правилам, солдаты обычно отвечают: “Вы не признаете декретов народных комиссаров. Мы штыками заставим подчиниться им”. На предложение им пойти в Комиссариат и там развестись, они отвечают: “Мы не нехристи, мы желаем развестись по-церковному и повенчаться по-церковному”»³⁰. Причем больше всех доставалось неприятностей тому, кто принимал прошения о разводе, — это был секретарь консистории. Его положение, продолжал тульский архиерей, просто «мученическое». «В день приняв 30–40 просителей, наслушавшись столько угроз, столько ругани, что буквально благородишь <sic!> Бога, что остался жив и тебя еще не убили»³¹.

В связи с таким «народным» пониманием развода отдел Комиссариата юстиции по проведению в жизнь декрета об отделении церкви от государства заявлял: «Отдел считает нужным отметить, что приказ не может быть обоснован ни на одном из законов рабоче-крестьянского правительства. По новым законам совершение обряда венчания является частным делом, не имеющим гражданского значения. Поэтому отказ священника по тем или иным мотивам совершить обряд венчания отнюдь не является противодействием декрету, и Советская власть не должна принуждать священников к совершению каких бы то ни было обрядов»³². Такого рода разъяснения новая власть делала несколько раз, но, по всей видимости, это мало помогало³³.

В Комиссариат юстиции поступали многочисленные жалобы и прошения как от официальных лиц, так и от простых обывателей с просьбой разъяснить положения декрета. Основной вопрос заключался в том, как соотносится этот декрет с церковным браком. Этот вопрос везде разъясняли по-разному. Самый актуальный и проблемный пункт декрета: что такое гражданский брак и как его заключают? Это было непонятно, особенно в сельской местности.

Хотя декрет о гражданском браке был отдельно издан ранее, еще в декабре 1917 г., однако он прошел фактически незамеченным³⁴: большевиков тогда все-таки не воспринимали, но уже в разгар Гражданской войны, когда «ленинцы» контролировали значительную территорию, проблема так называемого «гражданского брака» затрагивала уже большую часть населения.

Даже многие называвшие себя большевиками хотели «узаконить» на всякий случай свои отношения и церковным браком, возможно, по настойчивому требованию женского пола. Отсюда и желание новых местных властей самим вести бракоразводные дела, когда священник должен был послушно венчать

разведенные по новому декрету браки, а иногда даже требовать от местного архиерея рукоположения в сан угодного им священнослужителя.

Член Поместного собора профессор Николай Кузнецов в июне 1918 г. жаловался в Комиссариат юстиции, что по донесению симбирского епископа Вениамина председатель местного Совета Россловский изъясил из духовной консистории бракоразводные дела, стуча «кулаком по столу», назвал епископа «мерзавцем» и предложил ему «в самое непродолжительное время рукоположить в священники какого-то заштатного дьякона Майорова»³⁵.

В Твери члены Исполнительного комитета еще в феврале 1918 г. забрали все бракоразводные дела из местной консистории, а перепуганному секретарю консистории, согласно его письму в Синод, заявили, «что сами удовлетворяют все просьбы о разводе»³⁶.

Вятский епископ Никандр (Феноменов) вообще под страхом анафемы запретил передавать метрические книги новой власти. Когда ситуация противостояния Церкви и большевиков в губернии в начале 1918 г. достигла апогея, епископ дал распоряжение «подчиняться только насилию»³⁷. Вообще вопрос о метрических книгах был важным — пока их не передали из Церкви новой власти, говорить о гражданском браке и разводе было сложно³⁸. Вопрос о принадлежности метрических книг в одном из приходов в Тамбовской епархии вылился в кровопролитное столкновение местных крестьян и красноармейцев. Крестьяне решили «метрические книги в Совет Рабочих и Крестьянских депутатов не отдавать». В результате столкновений погибло два красноармейца. Произошли аресты подстрекателей и книги приход передал в ведение местного совета³⁹. Когда в Енисейской губернии в Красноярском уезде в одно село прибыли член волревкома и делопроизводитель ЗАГСа для «проведения в жизнь декрета» об отделении Церкви от государства, местные крестьяне узнали об этом, набатным колокольным звоном собрали все деревню и не дали изъять из церкви метрические книги⁴⁰. Кажется, вопрос о метрических книгах вызывал возмущение у части крестьянства по той причине, что многие считали изъятие книг обыкновенным грабежом.

Вопрос о браке и разводе был действительно самым широко толкуемым местом декрета. В сельской местности этот вопрос часто решали полюбовно. Документальных сведений об этом мало, и потому важно каждое свидетельство, как, например, бывшего чиновника департамента Министерства юстиции А. Л. Окнинского, который волею судьбы два года, с 1918 по 1920, прожил в Тамбовской губернии в деревне и записывал «акты гражданского состояния». Так как все метрические книги большевики изъясали или пытались изъять из церквей, Окнинскому приходилось самому вписывать в специальную книгу всех умерших, родившихся и брачующихся. Окнинский описывает следующую схему действий неписанного «брачного кодекса», который сложился в первые годы советской власти и который в целом напоминает современный. Он выписывал «удостоверения», очевидно, проверяя по метрическим книгам возможность

вступления в брак и т. п. «...без такого удостоверения, — пишет Окнинский, — священники не крестили, не венчали, не отпевали»⁴¹.

После получения такого удостоверения крестьянин мог идти в церковь, где брак венчали. Сложнее дело представлялось с разводами. Мемуарист вспоминает, что ему пришлось совершить два развода по обоюдной просьбе разводящихся, «каковые разводы, однако, насколько мне помнится, церковной властью признаны не были».

Развестись легче гражданским образом, а вот венчаться надо в церкви, и, конечно, большевистские декреты никак не изменили этого народного мнения. Окнинский вспоминает, что записи о браке приходилось срочно делать и в выходные дни, потому что по «воскресеньям и праздничным дням... в Советской России они были еще неприсутственные» (это было действительно так, под праздниками он имеет в виду, конечно, церковные. — *П.Р.*), и что однажды местный большевик грубо требовал от него справки о возможности венчания для своей дочери⁴².

И. А. Шпицберг, который параллельно со своими антирелигиозными лекциями заведовал одним из отделов «актов состояния» в Петрограде в 1918 г., рассказывал М. И. Шахновичу, что обычно «после гражданской регистрации брака или рождения ребенка происходило венчание или крещение в церкви»⁴³. Видимо, чтобы привлечь население к заключению гражданского брака, в некоторых отделах регистрации давали «ордера на ткани»⁴⁴. Насколько широко была распространена эта практика, сказать сложно. Но исходя из записи в дневнике Н. Н. Платоновой, возможность достать материал для одежды являлась весомым фактором заключить гражданский брак. В годы «военного коммунизма» люди плохо одевались по причине почти полного отсутствия белья, и зачастую бывшие модники ходили в обносках.

Так как метрические книги были изъяты из церквей, священник не мог удостовериться в правильности таинства, и гражданское свидетельство давало информацию хотя бы о том, что брачующийся и брачующаяся не состоят в браке. Представляется, что такая практика была повсеместной, по крайней мере там, где была Советская власть⁴⁵. Интересно, что постановление Поместного собора о браке и разводе было менее радикальным — письменные доказательства в новых условиях были необязательны, требовалась только подпись жениха и невесты, а также четырех свидетелей⁴⁶. Очевидно, что священника могли обмануть, поэтому многие стали требовать письменной справки или выписки.

Видимо, часто многие игнорировали новый и, казалось бы, более легкий путь гражданского развода, предпочитая действовать надежно, по старинке, т. е. разводясь с помощью лжесвидетельств. Так, известный советский инженер-кораблестроитель И. В. Гирс вспоминал, как он во время Гражданской войны выступал «лжесвидетелем» в Петроградской консистории по делу о разводе приятеля. За данное действие он получил от друга пуд тыквы — характер-

ный пример бартера эпохи военного коммунизма⁴⁷. Зато после такого развода не возникало проблем при венчании нового брака.

На Поместном соборе велись горячие дискуссии о браке и о большевистских декретах о нем. Собор в начале февраля 1918 г. даже выпустил специальное определение и не признал декреты новой власти. В нем говорилось, что «брак, освященный Церковью, не может быть расторгнут гражданской властью. Такое расторжение церковного брака простым заявлением у светских властей повинно в поругании Таинства брака»⁴⁸. Причем доводы членов Собора, противников внесения слова «побои» в одну из законных причин для церковного развода, как ни покажется странным, не были лишены некоторой логики⁴⁹.

Важным событием для Церкви в период революций и Гражданской войны были прошедшие в ряде епархий выборы архиереев. Баллотироваться на пост архиерея могли и простой священник, и даже миряне, однако обязательным условием было то, чтобы кандидат был неженат. Так, в Рижской епархии на съезде духовенства в 1917 г. было решено восстановить Ревельское викарство. Викария не выбирали, а по-прежнему назначали. Съезд духовенства и мирян просил Синод назначить туда епископом протоиерея Павла Кульбуша. Однако главным препятствием являлось то, что протоиерей был женат. И самое главное, что протоиерей не хотел менять своего семейного положения. Член Поместного собора Александр Каэлас писал в Синод: «Мы очень желаем, чтобы перед хиротонией от Кульбуша не требовали бы принятия монашества... но мы православные эстонцы и сам о. Кульбуш согласны на это тяжелое условие»⁵⁰. От протоиерея требовали принятия монашества, но монашество нельзя принять, оставаясь женатым. И только когда Кульбуш развелся и принял монашество, он стал архиереем. Официальная причина развода значится в деле о. Павла — это прелюбодеяние жены⁵¹. Принятие монашества женатым человеком возможно только совместно с супругой⁵².

С большой долей вероятности можно предположить, что жена протоиерея по каким-то своим причинам отказалась принимать монашество. Все это показывает, что даже такой инкорпорируемый в духовную среду человек не мог просто развестись. Понадобились явно формальные причины для развода. Безусловно, случай с протоиереем Кульбушем уникальный — разведенный человек стал архиереем⁵³. Но он очень показателен для брачной ситуации в России вообще, до новых законов о браке.

Важным являлся и такой простой вопрос: где зарегистрировать свой «гражданский брак» или оформить развод? Судя по всему, если исходить из мемуарного рассказа Окнинского, такой вопрос везде решался по-разному. Следует отметить, что в первоначальный проект декрета Ленин внес важное изменение, на долгие годы определившее название отделов регистрации. Первоначально отделы планировалась назвать «отделами записи рождения, браков и смерти». В распечатанном на машинке проекте видно, как Ленин не просто вычеркнул, а жирно заштриховал слово «смерти». По вполне логичному предположению

Шахновича, он «считал, очевидно, недопустимым, чтобы браки, рождения и похороны были соединены вместе»⁵⁴.

В Петрограде такой отдел появился на 2-й линии Васильевского острова в доме 3. Заведовал данным отделом И.А. Шпицберг. Не имея развернутой информации по поводу функционирования данного отдела, можно с уверенностью предположить, что вначале там в основном разводились те, чей развод не принимала Церковь. В фондах Российской национальной библиотеки (РНБ) сохранилась листовка, информирующая жителей Петрограда об открытии данного отдела гражданской регистрации браков и разводов, согласно декрету о свободе совести. Листовка подписана 14 февраля 1918 г. и в заключении предостерегает жителей, что все «акты гражданского состояния, учиненные в обход вышеуказанного декрета, не имеют юридической силы»⁵⁵.

Есть информация о гражданской регистрации по некоторым другим местам, благодаря отчетам сотрудника комиссариата, бывшего священника М.В. Галкина, которые он присылал в комиссариат юстиции. Так, согласно его отчету от декабря 1918 г., в Новгороде первая запись акта гражданского состояния была произведена 2 февраля в городской управе. Впоследствии был создан специальный юридический отдел при местном Совете, и данная функция перешла к нему. За время 1918 г. в отделе зарегистрировано: рождений 16, браков 69, смертей 1. Цифры были смешные и, как отмечал Галкин, «не рисующие картину действительной рождаемости, смертности и заключения браков по г. Новгороду»⁵⁶.

Впрочем, в самом большом пункте «брак» одновременно фиксировался и развод. Галкин объяснял эти цифры саботажем церковников, плохой постановкой проведения в жизнь Декрета об отделении церкви от государства и прочими мелочами. Выяснилось и что метрические книги из церквей не изъяты, за исключением почему-то еврейских, которые в отделе записей хранятся до 1824 г. включительно.

Впрочем, сам Галкин проявил удивительную дотошность, проверив действие декрета и целиком по губернии. Например, он указывал, что в городе Крестцах (в то время это был город) запись актов состояния сосредоточена при уездном отделе управления внутренних дел. Записей рождения произведено 1, браков 5, смертей 0. Понятно, что эта статистика вызывала недоверие. Не верил в нее и Галкин⁵⁷.

По его словам, почему-то лучше всего обстояло дело в уездном городе Бологое и во всем уезде. Галкин даже составил таблицу, чтобы наглядно показать действие нового декрета. Оказывается, в Бологом и его уезде женились, разводились, умирали и рождались больше, чем во всей Новгородской губернии в целом. Так, за 1918 г. там было зарегистрировано 226 рождений, 130 браков и 196 смертей⁵⁸. Для людей, предыдущий развод которых Церковь бы явно не приняла, зарегистрировать гражданский брак было единственной возможностью узаконить отношения.

В прессе появилось сообщение, что 11 января 1918 г. состоялось гражданское бракосочетание Александры Коллонтай с комиссаром по морским делам Дыбенко⁵⁹. Так же поступили известный художник Сергей Судейкин и его подруга актриса Вера де Боссе. Для Веры это был уже третий брак и естественно, что церковный брак было невозможно зарегистрировать. В своем дневнике Вера оставила такую запись: «Сегодня день нашей “свадьбы”, то есть утром идем в Алупку записаться у комиссара, что я, Вера Аркадьевна Судейкина <sic!> действительно гражданская жена Сергея Юрьевича Судейкина»⁶⁰. Запись в дневнике датирована 24 февраля 1918 г., что дает основание считать этот брак одним из первых гражданских в среде творческой интеллигенции. Также обращает на себя внимание то, что в дневнике слово «свадьба» закавычено. Историк-нумизмат А. В. Орешников записал в дневник, что его знакомые в комиссариате «повенчались гражданским браком». Впрочем, он отмечает: «...ни сами молодые, ни все мы не придали этому никакого значения»⁶¹. Интересно отметить, что Орешников использует церковный термин «венчание» для сугубо светского действия.

Естественно, что на территории, не контролируемой большевиками, их брачное законотворчество рассматривалось как «разрушение семьи». И создать семью, и развестись можно было только по-старому⁶².

Иногда в связи с новыми законами происходили и курьезные случаи. Так, например, священник из Олонецкой губернии А. И. Тихомиров направил письмо Ленину с просьбой разрешить ему вступить во второй брак, чему воспрепятствовали и патриарх Тихон, и правящий архиерей митрополит Вениамин. Священник писал, что искренне желает укрепления диктатуры пролетариата и просил освободить уезд от «черных узурпаторов», т. е. монашеского духовенства. О патриархе Тихомиров писал как о ставленнике «небольшой кучки помещиков, графов, клобуков и других реакционеров»⁶³.

Свою просьбу о вступлении во второй брак священник обосновал практически — так как ему нужна «дешевая рабочая сила... в целях улучшения собственного благосостояния», а наем служанки дорого обходится. Он также просил учесть искренность его пожеланий и желал «многoletия диктатуре пролетариата»⁶⁴. Вряд ли это послание прочитал руководитель Совнаркома — письмо отправили в восьмой «церковный» отдел Комиссариата юстиции на «разъяснение». Там данное послание вызвало удивление и неподдельный интерес. То, что священник так правдиво изложил свою просьбу, объясняя свое желание вступить в семейный союз необходимостью приобрести дешевую рабочую силу, «вызывает доверие к искренности его пожеланий многолетия диктатуре пролетариата», — говорилось в сопроводительном документе, который лег на стол Красикова⁶⁵.

В Тихомирове увидели реального «церковного большевика» и ответили более чем милостиво и «срочно» за личной подписью заведомо П. А. Красикова. Тихомирову сообщили, что, согласно декрету, «состояние в так называемом

священнослужении не является препятствием во вступление в первый и последующие браки... а боязнь Тихомирова притеснителей-клобуков и некоторых попов-реакционеров не имеет под собой почвы в советском законодательстве»⁶⁶. Наивный Тихомиров реально считал, что, если новые власти ему разрешили жениться, то он может это сделать, оставаясь священником.

Случай с Тихомировым был довольно типичен, когда, рано овдовев, священнослужитель, даже если желал, не мог вступить во второй брак, так как это строго запрещали церковные каноны. Этот вопрос был важным и болезненным для духовенства, и, несмотря на это, Поместный собор летом 1918 года выпустил специальное определение «о второбрачии священнослужителей», где запрет на вступление во второй брак оставался неизменным⁶⁷. Также показательна реакция на разрешение новых властей жениться. Хотя Тихомиров как священник обязан был знать, что Церковь до 1919 г. не признавала новых властей, а те, согласно их же законам, не имели права вмешиваться в распоряжения Церкви.

Бывали ситуации и противоположные — когда местные власти сами заставляли священника вступить в гражданский брак. В дневнике протоиерея Николая Чукова (будущего ленинградского митрополита Григория) содержится рассказ о том, как некоего священника Олонецкой епархии, Брянцева «местный совдеп, вероятно, чтобы поиздеваться, заставил вступить в гражданский брак с девицей, которая жила у него в качестве прислуги и няни». В газетах появилась статья «Попа женили». Сам Брянцев, по словам Чукова, давал «наивные показания», что не придавал значения гражданской брачной записи и вступил в брак ради того, чтобы девица получала паек в чужой ей деревне⁶⁸.

Священник Ярославской епархии Немиров после смерти жены сам женился в 1921 г. вторично гражданским браком. Несмотря на запрет, а потом и отлучение, Немиров продолжал служить в своем селе, огрызаясь письмами на церковное начальство и став «героем» местной прессы⁶⁹. Всякие «брачные истории» среди духовенства были нередки и в прошлом, однако они обострились и вышли наружу именно в период революции и Гражданской войны.

Для членов партии, вступавших в церковный брак, дело могло закончиться большими неприятностями, вплоть до исключения из партии, если, конечно, данное действие не прошло без огласки. В этом смысле показательно дело большевика Евдокимова, «женившегося церковным браком» в конце 1919 г. Как отмечалось в протоколе первичной партийной ячейки, до них стали «доходить слухи», что коммунист Евдокимов «женился церковным браком». Собрание партийной ячейки города Дмитрова после «продолжительных и горячих прений» предложило взыскать с Евдокимова трехкратную сумму, уплаченную им при венчании, или вообще исключить его из партии сроком на 2 месяца.

Весьма показательны объяснения самого Евдокимова, данные им партийной ячейке. В них он сообщал, что ему решительно противны все обряды, но «барышня», которую он взял, не могла ограничиться только гражданским браком, «потому что вы хорошо знаете, что в деревню проникает все проводимое Со-

ветской властью слабо, и в особенности гражданский брак, на который деревня смотрит как на простую регистрацию, и больше ничего... деревня вообще смотрит на женщин, которые только зарегистрировались, т. е. заключили только в отделах записей браков, простыми словами напишу, как на блядей, не более и не менее».

Евдокимов писал, что не мог поставить «в унижительное положение барышню, которую он любил»⁷⁰. Партийные власти прислушались к показаниям Евдокимова и учли его крестьянское происхождение, а также «домашние обстоятельства, побудившие совершить данный поступок», и из партии его не исключили. Вообще в деревне, на всем протяжении Гражданской войны, даже если население было в своем большинстве за красных, венчаться предпочитали в церкви.

Это хорошо отобразил в своем известном романе «Хождение по мукам» Алексей Толстой. Там есть эпизод, когда женское население села требует у красных дать своего попа. «...Были белые попы, мы их сами из деревни выгоняли, а вы нам дайте красного попа... Нам нужно свадьбы гулять, у нас девки застоялись»⁷¹. В конце концов деревня получает такого красного попарасстригу, который и производит обряд венчания. Что население в деревнях по-прежнему венчается в церкви, отмечал в конце 1918 г. и Ленин⁷².

Вообще на территориях, освобожденных от власти белых, часто проводился «смягченный вариант политики в отношении религии и Церкви»⁷³.

Весной 1920 г. новые власти законодательно прекратили деятельность духовных консисторий, которые, как считали большевики, существуют вопреки законам, в том числе и в области брака, которые «присваивают» себе юридические функции⁷⁴.

Брачный вопрос в той или иной степени затрагивал фактически все население бывшей империи, и возможность легкого развода, конечно, многими воспринималась положительно. При старом способе развода под «крепостное состояние» (выражение Н. С. Лескова по поводу развода) попадали не только женщины, которые были вынуждены терпеть побои пьяных супругов, но и сами мужчины.

Можно даже сказать, что это был тот пункт декрета, который так или иначе поддерживало значительное количество людей: старый брачный кодекс был несовершенен и иногда ставил человека, супружеская жизнь которого не сложилась, в откровенно дискриминационное положение. Об этом много писал Василий Розанов, сам оказавшийся жертвой брачных законов империи⁷⁵. Его первая жена, бывшая любовница Ф. М. Достоевского, Аполлинария Сулова, не давала ему развода, и он вынужден был тайно венчаться, а его многочисленные дети по факту были незаконнорожденными.

Менее известен и эпизод из семейной жизни первого идеолога марксизма в России Георгия Плеханова. Он женился церковным браком на женщине, беременной от его коллеги-революционера, попавшего в тюрьму. Плеханов признал

чужого ребенка и был влюблен в свою жену, однако, когда возлюбленный его жены освободился, жена Плеханова ушла к нему и более двадцати лет не давала официального развода, хотя у Плеханова была уже и другая жена, и дети⁷⁶.

Интересно отметить, что в эмиграции пытались сохранить старую процедуру фиксации брака и развода со сложной системой разрешений на повторный брак и с наложением епитимьи (покаяния) на виновного в супружеской измене.

Так, некто В. А. Пейхеля, эмигрант, живший в Сербии (Королевство Сербов и Хорватов), писал в Синод зарубежной Церкви, что развелся в Одессе в 1915 г. со своей женой Александрой Панно. Сам он сообщал, что «развод был для нас обоих большим несчастьем и результатом легкомыслия». А сейчас, уже после того, как его бывшая супруга снова вышла замуж и овдовела, и очень несчастна, он намерен снова заключить с ней брак повторным венчанием. Ему ответили, что если брак его супруги был незаконным с церковной точки зрения, то и венчаться ему не нужно и брак восстановят, а если «брак был законный»⁷⁷ и закончился смертью супруга, если нет препятствий, то он может с ней «повенчаться по второбрачному чину»⁷⁸. Неизвестно, чем закончилась это романтическая история вечной любви с перерывами, но, судя по определению Синода, «легкомысленные» снова законно смогли жить вместе.

Осенью 1918 г. новой властью был принят так называемый «Семейный кодекс», в котором подтверждалось, что все «акты гражданского состояния ведутся исключительно гражданской властью»⁷⁹. «Церковные и религиозные браки», заключенные до 20 декабря 1917 г., считались действительными. Вместе с тем вступление в новый церковный брак без гражданской регистрации «не порождает никаких прав и обязанностей»⁸⁰.

Революция и советские декреты о гражданском браке и разводе сняли важную проблему, хотя, конечно, многие не понимали, как, например, священник Тихомиров, каким образом светские законы стыкуются с церковными и что вообще делать? Совершенно понятно, что дореволюционные законы о разводе, кроме ненависти, ничего не вызывали. Невозможно жить в браке, когда ты ненавидишь своего мужа или жену. Декреты не могли прекратить избиение женщин в браке, но давали законный повод разорвать такой брак.

Как это ни покажется странным, но в конечном счете Церковь выиграла от этой реформы. Рядовое приходское духовенство больше всего имело неприятностей из-за нарушений действительных или мнимых законов брачного права: венчание несовершеннолетних, венчание двоеженцев, венчание в близкой степени родства, формальное проведение «брачного обыска» и т. д. В результате этих правонарушений большие неприятности могли быть у священника, повенчавшего «неправильный» брак.

Согласно старому закону, последнюю точку в деле о разводе должен был поставить высший орган церковной власти. Многие церковные деятели понимали, что Синод вынужден был заниматься вопросами совсем ему не свой-

ственными. После декрета большевиков все это изменилось. Нарекания и даже открытая ненависть к церковным властям, которые выносили решение по бракоразводному процессу, ушли в прошлое. Однако семейные законы большевиков были столь радикальны, что во многом опережали правосознание даже образованных людей.

Некоторые считали, что слишком легкий способ развода ведет к разложению самой семьи. И значительно увеличившееся количество разведенных как будто бы подтверждало это. Все-таки хотя тут статистика и очень показательна, но она не может говорить о разложении семьи в период войн, тем не менее она хорошо демонстрирует несовершенство старого семейного права. То, что реформа бракоразводного процесса жизненно необходима, понимали уже в XIX в.⁸¹

Случай с протоиереем Павлом Кульбушем показателен. Даже человек синодальной системы был вынужден развестись по «прелюбодеянию жены», так как это был быстрый и проверенный способ. Взятая эпитафией к статье фраза из произведения Н. С. Лескова может показаться абсурдной, но стать двоеженцем в дореволюционной России часто было действительно легче, чем развестись.

Неудивительно, что люди, желавшие развестись, «потянулись» в Технологический институт — они считали, что революция положила конец старой системе. Развод в Технологическом институте можно рассматривать как веселый розыгрыш или же как приговор старому семейному праву и факт народного правотворчества.

Новые власти не были настроены шутить — их семейный кодекс с гражданским браком и быстрым разводом одобрялся даже многими противниками большевиков. Многие вслед за калужским епископом Феофаном (Туляковым) расценивали новый закон о разводе как «самый дельный акт нового режима»⁸². Развод был максимально облегчен и не стал важным фактором сведения счетов между супругами в эпоху Гражданской войны⁸³.

И если свобода развода в целом одобрялась народным сознанием, то наличие единственно законного нецерковного брака объяснить в крестьянской стране было сложно. И когда представитель властей писал в 1924 г., что для жителей Приморья закон о гражданской регистрации был «новым и чуждым»⁸⁴, это можно отнести и ко всей территории Советской России. Многие и духовные лица утомлялись от постоянного требования «развести». Епископ Герман (Рященцев) в письме своей духовной дочери жаловался на это. «Особенно меня возмущают являющиеся ко мне для расторжения браков, чем, я не ведаю... конечно, — добавлял архиерей, — это испытание веры и терпения...»⁸⁵

Вскоре некоторые видные деятели новой власти пойдут и дальше, провозглашая, что брак и семья — это буржуазный предрассудок, требуя «свободной любви», однако значительная часть большевиков и лидер партии Ленин

придерживались традиционных взглядов на брак. Причем свобода развода сохранялась, и его процедура впоследствии даже упростилась. Вождь большевиков писал: «...пример развода наглядно показывает, что нельзя быть демократом и социалистом, не требуя сейчас же полной свободы развода, ибо отсутствие этой свободы есть сверхпритеснение угнетенного пола, женщины»⁸⁶. В заключение Ленин прибавлял, что признание свободы развода «не есть приглашение всем женам уходить»⁸⁷.

Тут следует добавить, что фактическое отсутствие разводов было и угнетением мужчин. И если свободы, такие как свобода слова, свобода совести и другие, часто оставались декларативными и не соблюдались, свобода развода сохранялась.

Противопоставление венчаного церковного брака и гражданского, росписи в книге брачующихся и штампа в документе вполне могло быть надуманным и не противоречило друг другу. С провозглашения Временным правительством вне вероисповедного состояния гражданский брак стал логическим завершением реформ в этой области.

В советское время число заключенных церковных браков стало резко сокращаться и в некоторых районах страны сходить на нет не только в силу антицерковной и антирелигиозной пропаганды, но и в силу того, что церкви закрывались и повенчаться часто не было возможности. Гражданский брак становился почти единственным, и он единственный вел к каким-либо юридическим последствиям, а развод был максимально облегчен. Это создало множество юридических коллизий и терминов — «сезонный брак», «алиментная эпидемия» и т. п.⁸⁸

В 1926 г. в семейном кодексе страны появился новый термин — фактический, или незарегистрированный брак, т. е. совместное проживание и ведение общего хозяйства было достаточным условием для признания брака. Доказать такое «брачное сожительство» можно было по суду. Такое положение действовало до 1944 г. И это, безусловно, было отголосками революционных реформ брака, последовавших после Октябрьской революции.

В полной мере новые законы о браке не могут быть объективно оценены, так как они принимались в условиях демографической катастрофы⁸⁹. Оценка этих ставших для всех обязательными законов всегда будет носить вкусовой характер и часто зависит от политических предпочтений автора.

¹ Николаев А. Б. Временные суды в Петрограде (март — июль 1917 г.): Создание, состав, деятельность // Эпоха войн и революций (1914–1922): Научные доклады. Препринт. СПб., 2016. С. 73.

² Г. Р. В Технологическом // Русская воля. Вечерний выпуск. 1917. 22 марта. В газете написано, что развод осуществлял «студенческий суд», и записан такой диалог женщины

- и студентов: «Освободите, родные, сил больше нет». И студенты освободили: живо составлен был акт о разводе».
- ³ Журнальное постановление Временного правительства об ускорении Министерством юстиции работ по выработке законодательства о введении гражданского брака 14 июля 1917 г. // Конфессиональная политика Временного правительства России: Сборник документов. М., 2018. С. 156.
- ⁴ Так, теперь разрешалось разводиться по прелюбодеянию обоих супругов. До этого определения разводиться можно было только по прелюбодеянию одной из сторон. См.: Инициативное обер-прокурором Св. Синода В. Н. Львовым определение Святейшего Синода (№ 25470) «Об изменениях в делопроизводстве духовных консисторий о расторжении брака» от 29 апреля — 1 мая 1917 года // Конфессиональная политика Временного правительства... С. 184–189.
- ⁵ *Соколов А. В.* Государство и Православная церковь в России в феврале 1917 — январе 1918 года. СПб., 2015. С. 212–213. Так, Совет уравнивал в правах женщин-солдаток с официальным браком и без него. Там же.
- ⁶ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 237–240.
- ⁷ Там же. С. 247–249.
- ⁸ Там же. С. 371–374.
- ⁹ Вся историография, где рассматривается влияние большевистских декретов на жизнь общества, носит крайне политизированный характер, от одобрения декретов: «Декреты воплотили гениальные идеи В. И. Ленина» (Декреты... Т. 1. С. VII), «После издания этих декретов устранялось освящаемое религией насилие над людьми, узаконенное самодержавием» (*Корзун М. С.* Русская православная церковь. 1917–1945 годы. Минск, 1987. С. 11), до проклятий в их адрес. О. Ю. Васильева считает, что это самый «страшный декрет», который направлен против «сакрализации брака» (*Васильева О.* Российская Православная Церковь и русская революция // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. 2019. № 1–2. С. 20). Правда, из устного выступления О. Ю. Васильевой (в то время министра образования) явно выходило, что она путает гражданский брак, о котором и идет речь в большевистских декретах с современным употреблением этого слова. Я спросил Васильеву, почему она против гражданского брака. См.: Там же. С. 26. «Большевистские декреты по разрушению православной семьи изданы даже раньше, чем декрет об отделении церкви от государства» (*Лавров В.М.* Православная семья в предреволюционной России (По публицистике второй половины XIX века — начала XX века). М., 2018. С. 271). Говоря об исследовании брака, Мейендорф писал в 1969 г., что на «Западе на тему брака пишут гораздо больше. О браке имеются не только несколько папских энциклик, но также целые библиотеки научных, полунанучных и популярных изданий, написанных христианскими психологами, моралистами, канонистами и социологами» (*Мейендорф Иоанн, протоиерей.* Брак и евхаристия // Церковь в истории: Статьи по истории Церкви. М., 2018. С. 504). В наше время отчасти ситуация поменялась: о браке пишут много, но в основном популярные книги и брошюры, в большинстве которых даже словосочетание «гражданский брак» используют в современном, а не изначальном значении этого слова.
- ¹⁰ *Суворов Н. Г.* Гражданский брак. М., 2015 (1887). С. IV.
- ¹¹ См.: *Суворов Н. Г.* Учебник церковного права. М., 2004 (1908). С. 345–348; *Павлов А. С.* Курс церковного права. СПб., 2002 (1902). С. 266–267.
- ¹² *Суворов Н. Г.* Учебник церковного права. С. 347. Это, по мнению современного историка, представляло «некую разновидность фактически признанного гражданского брака». (*Энгельштейн Л.* Ключи счастья. Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX–XX веков. М., 1996. С. 37).
- ¹³ Подробнее о дискуссии по поводу брака см.: *Белякова Е. В., Белякова Н. А., Емченко Е. Б.* Женщина в православии: церковное право и российская практика. М., 2011. С. 394–396.
- ¹⁴ Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 1994. С. 22.

- ¹⁵ См.: *Белякова Е. В.* Церковный суд и проблемы церковной жизни. М., 2004; *Веременко В. А.* Дворянская семья и государственная политика России. СПб., 2004; *Лещенко В. Ю.* Семья и русское православие XI–XIX вв. СПб., 1999.
- ¹⁶ *Григоровский С.* Сборник церковных и гражданских законов о браке и разводе: узаконение, усыновление и внебрачные дети. СПб., 1907. Имеющееся у меня седьмое издание содержит дополнительный подзаголовок: «С дополнениями и разъяснениями по циркулярным и сепаратным указам Святейшего Синода, с отдельной статьей о родстве и свойстве и с приложением таблицы графического изображения степени свойства». Причем после законов о веротерпимости правила изменились, о чем писал Григорович.
- ¹⁷ «Отличие их от метрических книг состояло в том, что записи в метрических книгах имели значение регистрации брака, в обысках — подтверждения сведений и констатации факта отсутствия препятствий» (*Зенина М. А.* Брачные обыски XIX в. как источник для изучения народного быта // *Очерки русской народной культуры.* М., 2009. С. 319).
- ¹⁸ Так, по мнению влиятельного чиновника и публициста Третья Филиппова (1871 г.), нападки на церковный брак «эмансипаторов» состоят именно в «неразрывности брака, с которым у них не может быть мира». См.: *Филиппов Т.* Русское воспитание. М., 2008. С. 220.
- ¹⁹ «В народном праве существовали свои абсолютные препятствия к браку — физические, моральные и социальные». Одним из таких препятствий, пишет исследовательница, было пьянство. См.: *Бернштам Т. А.* Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян. Учение и опыт Церкви в народном христианстве. СПб., 2000. С. 140. Хочется отметить традиционно раннее заключение брака, когда такой порок, как алкоголизм, был еще трудно различим.
- ²⁰ «За что ж он тебя бьет, я все-таки не понимаю, — сказала Мария Николаевна. — За что? — переспросила баба. — Захотели вы, сударыня, у мужика понятия. Нешто он скажет, за что. Ему баба все одно вот тыфу. Под руку подвернулась — хлоп. Уйди, говорит, ты от меня постылая» (*Слепцов В. А.* Проза. Трудное время. (1866). М., 1986. С. 205). Сам Слепцов постоянно ходил и записывал услышанные диалоги. Поэтому часто диалоги в его немногочисленных произведениях напоминают стенографические записи, подвергшиеся художественной обработке.
- ²¹ *Белякова Е. В.* Церковный суд... С. 202. «Суду же уголовному нередко приходится быть свидетелем других еще более печальных фактов — возникновения тяжких уголовных преступлений (даже убийства) вследствие невозможности прекратить брак...» (*Загородский А. И.* О разводе по русскому праву. Исследование бракоразводного права в России. М., 2011 (1884). С. 490). См. рассказ одной крестьянки: «Бил отец мать до полусмерти, если напивался. Бил ее железной ключкой с острым наконечником. Она уже знала и заранее одевала ватное пальто. Как она выдержала эти побои — один Бог знает... когда мы перебрались в наш бедный домик, отец пришел откуда-то и позвал старшую сестру, он схватил ее за волосы, а нас выгнал в ледяной коридорчик и бил свою дочь так, что она осталась на всю жизнь калека» (*Элиас Е.* Свидетелей нет // *Российская и советская деревня первой половины XX века глазами крестьян. Взгляд из эмиграции.* М., 2009. С. 287). Следует отметить, что рассказ крестьянки относится к началу 1920-х гг., но деревенские нравы передает хорошо. О тяжелом положении женщины в семье и о трудностях разводов писала Барбара Энгель: *Энгель Б. А.* Семейный деспотизм и права личности: Политический аспект личного на закате Российской империи // *Человек и личность в истории России, конец XIX — XX в.: Материалы международного коллоквиума (Санкт-Петербург, 7–10 июня 2010 г.)* / Отв. ред. Н. В. Михайлов, Й. Хельбек. СПб., 2013. С. 229–241.
- ²² *Горький М.* О русском крестьянстве. Берлин, 1922. С. 19–20. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/gorky_o_russkom_krestyanstve_1922_text.pdf
- ²³ Впоследствии член Синода протопресвитер Г. Шавельский вспоминал: «У пишущего эти строки воспоминания о синодальных бракоразводных докладах и доселе вызывают отвращение. Вообще все бракоразводные доклады были гнусны, отвратительны и недостойны священных стен Синода» (*Шавельский Г., протопресвитер.* Русская Церковь пред революцией. М., 2005. С. 83).

- ²⁴ Фриз Г. Мирские нарративы о священном таинстве. Брак и развод в позднимперской России // Фриз Г. «Губительное благочестие». Российская Церковь и падение империи: Сборник статей / Сост., предисл., коммент. П. Г. Рогозного. СПб., 2019. С. 142.
- ²⁵ Впервые законопроекты о браке и разводе рассматривались большевиками 19 ноября 1917 г. См.: Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 — март 1918 г. М., 2006. С. 27.
- ²⁶ После Октябрьской революции И. А. Шпицберг вступил в партию и неожиданно стал воинствующим атеистом. Причем своей радикальной антицерковной позицией удивлял даже старых большевиков и был арестован, по словам Луначарского, за «издание книжки, в который писалось что Христос был выродок, паранонк и онанист. Конечно, это было не со зла, а по глупости» (Телефонограмма А. В. Луначарского В. И. Ленину 9 мая 1921 // Конфессиональная политика Советского государства 1917–1924. Документы и материалы. М., 2018. Т. 1. Кн. 3. С. 611).
- ²⁷ Соколов А. В. Государство и Православная Церковь... С. 500–503. На многочисленных публичных выступлениях И. А. Шпицберг заявлял: «Я автор декрета о браке и разводе», на своих лекциях представлялся как «товарищ народного комиссара». Существует подробный пересказ его лекции «Современная церковь и семья в освещении революции», который оставил присутствующий на ней член Поместного собора М. Ф. Глаголев (Выступление М. Ф. Глаголева от 22 января 1918 года // Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 г. М., 2018. С. 49–50).
- ²⁸ Статья из «Новой Петроградской газеты» о расторжении гражданского брака. 27 марта 1918 г. // Отделение Церкви от государства и школы от церкви в Советской России. Октябрь 1917 — 1919 г. Сборник документов. М., 2016. С. 498–499.
- ²⁹ Тобольские епархиальные ведомости. 1918. № 18–19–20. С. 228.
- ³⁰ Рапорт Святейшему Правительствующему Синоду Феофана епископа Калужского и Боровского 21 января 1918 года // Священный Собор 1917–1918 годов о христианском браке, сохранении семьи и поводах к разводу. М., 2018. С. 241–242.
- ³¹ Там же. С. 245. Епископ также добавлял, что количество бракоразводных дел увеличилось в 10–15 раз (Там же. С. 241).
- ³² Государственный архив Российской Федерации (далее ГА РФ). Ф. 353. Оп. 2. Д. 114. Л. 5. См.: Отделение Церкви от государства... С. 501. Постоянные циркуляры и письма из Комиссариата юстиции говорят о том, что священника часто заставляли венчать брак человека, разведенного по Декрету о разводе. Я думаю, что «опорочивание и дискредитирование» Декрета и непризнание священником развода — это разные вещи. Е. В. Белякова считает, что одно и то же, но мне кажется, она не права. См.: Белякова Е. В., Белякова Н. А., Емченко Е. Б. Женщина в православии... С. 411.
- ³³ Письмо VIII отдела НКЮ РСФСР в Калужский губернский комиссариат юстиции о проверке вмешательства комиссара по национальным и религиозным делам Цельса в вопросы церковного брака // Отделение Церкви от государства... С. 501. Так, в письме за подписью Красикова сообщалось, что принуждать священника к венчанию приказом нельзя, это — «частное дело». Если же такой приказ не был издан, то он грозил «привлечению к законной ответственности перед судом Революционного трибунала» газету, опубликовавшую данный приказ (Там же).
- ³⁴ Даже в относительно новой книге утверждается: «Декрет об отделении Церкви от государства, изданный в 1918 году, лишил церковный брак юридической силы...» (Цыпин В. А. Церковное право. М., 1994. С. 342). Церковный историк не заметил ни декрет о браке, ни декрет о разводе.
- ³⁵ ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 114. Л. 38.
- ³⁶ Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 796. Оп. 204. Отд. 1. Ст. 5. Д. 154. Л. 147 — 148 об.
- ³⁷ Бадьин В. М. Причины противостояния Церкви и Советского государства в 1918 году (на примере Вятской епархии) // Православие в судьбе Урала и России: История и современность. Екатеринбург, 2010. С. 273.

- ³⁸ В газете «Известия» в мае 1918 г. была опубликована статья священника, а после и видного атеиста Галкина, посвященная метрическим книгам, в которой он требовал: «Метрические книги должны быть отобраны от духовенства и переданы органам гражданской власти». Статья Галкина републикована. См.: Конфессиональная политика Советского государства... Т. 1. С. 134–136.
- ³⁹ Рапорт епископа Зиновия (Дроздова) патриарху Тихону. 26 июня 1918 г. // Следственное дело патриарха Тихона. М., 2000. С. 469–472.
- ⁴⁰ О трудностях выполнения ликвидационных мероприятий в Красноярском уезде 13–14 июля 1920 г. // Религия и общество в приенисейской Сибири 1920–1930-е года: Сборник архивных документов и материалов. Красноярск, 2011. С. 210.
- ⁴¹ *Окинский А. Л.* Два года среди крестьян: видимое, слышимое, пережитое в Тамбовской губернии с ноября 1918 года до ноября 1920 года. М., 1998. С. 44.
- ⁴² Там же. С. 45.
- ⁴³ *Шахнович М. И.* Ленин и проблемы атеизма. М.–Л., 1961. С. 593.
- ⁴⁴ «Говорят, они хотят на месяц раньше вступить в брак в совдепе, чем в церкви, чтобы получить даваемые при заключении гражданского брака ордера (кажется три) на ткани...» (*Платонова Н. Н.* Дневник. 1895–1923. Рязань, 2021. С. 480. Запись 11/24 октября 1919 г.).
- ⁴⁵ Мемуарному свидетельству Окнинского можно доверять, и в данном случае оно кажется беспристрастным. Оно не является важным в канве самих воспоминаний и занимает там всего две страницы; очевидно, что для автора это лишь эпизод, не содержащий никаких политических выводов. Важно и то, что воспоминания писались спустя два года и не имели никакого идеологического подтекста.
- ⁴⁶ Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти 1917–1943. М., 1994. С. 99.
- ⁴⁷ *Гирс И. В.* Воспоминания из моей жизни // Невский архив. Историко-краеведческий сборник. СПб., 1999. Т. 4. С. 69.
- ⁴⁸ Определение Священного Собора Православной Российской Церкви по поводу декретов о расторжении брака и о гражданском браке. 19 февраля (4 марта) 1918 г. // Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 1994. С. 22.
- ⁴⁹ Крестьянин Июдин: «...в деревне нравы грубые, мужик палкой ткнет. А она пойдет в город шляться. А у вас здесь как раз побой повод развода... муж нарочно поколотит, чтобы только жена ушла...» Крестьянин Зибарев: «вот я о себе как перед Богом скажу. Жена моя имела все поводы оставить меня... я ее доводил до отчаяния, предавался пьянству и однажды избил ее. Она бы могла бросить меня, и я бы погиб от яванства» (Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви. М., 1994. Кн. VIII. С. 70, 76).
- ⁵⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. Отд. 1. Ст. 5. Д. 518. Л. 17.
- ⁵¹ Там же. Л. 36–37. Разведясь и приняв монашество, протоиерей Павел Кульбуш стал епископом Ревельским Платоном, а в 1919 г. жертвой Гражданской войны.
- ⁵² Канонические основания для расторжения брака при избрании мужа епископом. Согласно 48-му правилу Трульского Собора, «Жена производимого в епископское достоинство предварительно разлучается с мужем своим, по общему согласию по рукоположению его в епископы да вступит в монастырь, далеко от обитания сего епископа...» (цит. по: *Цытин Владислав, протоиерей.* Развод в Римском праве и в брачном праве Русской Православной Церкви // Христианские корни европейской цивилизации и России. М., 2019. С. 197).
- ⁵³ Мне известен только один такой случай и то в другую эпоху, так, будущий патриарх Алексей II, в то время священник Алексей Ридигер, развелся со своей женой. Случай патриарха Никона не в счет, он и его жена приняли монашество оба.
- ⁵⁴ *Шахнович М. И.* Ленин и проблемы атеизма... С. 572.
- ⁵⁵ К сведению граждан Петрограда. 14 февраля 1918 г.: Листовка. Шифр ФЛ 2/173.
- ⁵⁶ ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 692. Л. 29.
- ⁵⁷ Исследовательница семейной жизни эпохи Гражданской войны пишет, что сведения о заключении и расторжении браков в те годы «отрывочны и ненадежны». Так, например,

- официальные данные по разводам появились только в 1924 г. Разведенных в 1924 г. было 85 547 человек, в 1926 г. 122 760 человек (*Уотерс Э.* Семья, брак и отношения между полами // Критический словарь русской революции 1914–1921. СПб., 2014. С. 410). До революции статистика разводов известна с 1836 г. В среднем до периода «Великих реформ» в год разводилось 77 человек. После «Великих реформ» количество разводов возросло и составляло в среднем 2567 разводов в год (*Миронов Б. Н.* Социальная история России XVIII — начала XX в. Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 1. С. 176). «Если в 1913-м среди русских на 1000 браков было зарегистрировано 0,15 разводов, то в 1926–1927 гг. — 11, то есть коммунисты добились увеличения разводов почти в 100 раз!» (*Лавров В. М.* Православная семья... С. 273). Высокий процент разводов в послереволюционное время можно объяснить так называемой «революцией чувств», когда «начали заключаться браки, основанные не на вековых традициях беспристрастного родительского подбора супругов, а на “скороспелые” заключенные по взаимному чувству» (*Васеха М. В.* Политика внедрения нового быта и ее влияние на семейно-брачные отношения в Западной Сибири в 1920-е годы // Традиционная культура русского народа в период 1920–1930-х годов. М., 2016. С. 299).
- ⁵⁸ ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 692. Л. 40.
- ⁵⁹ Заметка из газеты «Петербургский листок» о показательном гражданском бракосочетании в городе // Отделение Церкви от государства и школы от Церкви в Советской России. Октябрь 1917 — 1918 г. Сборник документов. М., 2016. С. 500.
- ⁶⁰ *Судейкина В.* Дневник. Петроград. Крым. Тифлис. 1917–1919. М., 2006. С. 84. Запись от 24 февраля 1918 г. Впоследствии Вера вспоминала: «В один прекрасный день, даже очень прекрасный день Сережа решил, что мы должны пожениться, гражданским браком, конечно, — “Это все очень просто, пойдем к комиссару — он все сделает...” Шли домой, улыбаясь, я все-таки недоумевала: “Ты ведь не развелся с Ольгой?” — “Да это потом будет, когда мы повенчаемся в церкви”» (Там же. С. 480).
- ⁶¹ *Орешников А. В.* Дневник. 1915–1933. М., 2010. Кн. 1. С. 266. Запись от 15 октября 1920 г.
- ⁶² Обращение Собора к красноармейцам 23 мая 1919 года // Юго-Восточный русский Собор 1919 г. М., 2018. С. 163.
- ⁶³ ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 761. Л. 93.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Там же. Л. 95.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 1994. Вып. 1–4. С. 48. Впоследствии второбрачие для священников и женатый епископат ввели обновленцы.
- ⁶⁸ Дневник протоиерея Николая Чукова // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 2004. Вып. 32. (Запись 18 октября 1918 года).
- ⁶⁹ Статьи под говорящим названием «Революционный поп», «Благочестие церковников», «И предадим его анафеме» републикованы. См.: Ради мира церковного. Жизненный путь и архипастырское служение Святителя Агафангела митрополита Ярославского, исповедника. М., 2006. Кн. 2. С. 113–125.
- ⁷⁰ Выписка из протокола собрания Дмитровской городской ячейки РКП(б) — по поводу венчания коммуниста Евдокимова и его объяснительная записка // Православная Москва в 1917–1921 годах. Сборник документов и материалов. М., 2004. С. 459–460.
- ⁷¹ *Толстой А. Н.* Хождение по мукам. М., 2001. Т. 2. С. 145. Интересно, что во время хрущевских гонений на религию данный отрывок печатался в атеистических сборниках. Хотя ничего атеистического он не содержит. См.: Русские писатели о религии. М., 1959. С. 242–257.
- ⁷² «Наш закон первый раз в истории вычеркнул все то, что делало женщин бесправными. Но дело не в законе. У нас в городах и фабрично-заводских местах этот закон о полной свободе брака прививается хорошо, а в деревне это часто-часто остается на бумаге. Там до сих пор преобладает церковный брак. Этим они обязаны влиянию священников, с этим

- злом труднее бороться, чем со старым законодательством» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. М., 1969. Т. 37. С. 186).
- ⁷³ *Бирюкова Ю. А.* Советская власть и православные общины Дона в 1920–1930 гг. Характер отношений на местах. Ростов-на-Дону, 2012. С. 28. Так, например, метрические книги разрешалось вести духовенству, и книги «брачных обысков» не подлежали передаче в ЗАГСы (Там же).
- ⁷⁴ *Гидулянов П. В.* Отделение церкви от государства. Полный сборник декретов РСФСР и СССР, инструкций, циркуляров и т. п. ведомственных распоряжений с разъяснением V отдела НКЮста РСФСР. М., 1924. С. 200. В тексте распоряжения отмечалось, что повсеместно духовные консистории стали именоваться епархиальными советами.
- ⁷⁵ *Розанов В. В.* Семейный вопрос в России. М., 2003.
- ⁷⁶ *Тютюкин С. В. Г. В.* Плеханов: Судьба русского марксиста. М., 1997. С. 40.
- ⁷⁷ В документе законным браком именуется церковный брак.
- ⁷⁸ Цит. по: *Хмыров Д. В. (иеромонах Никодим).* Русская Православная Церковь за границей в 20-е годы XX века. СПб., 2016. С. 377.
- ⁷⁹ Текст кодекса см. URL: <https://pandia.ru/text/77/113/117.php>
- ⁸⁰ Там же. 20 декабря 1917 года — дата публикации декрета о гражданском браке.
- ⁸¹ «Если о близости реформы можно судить по степени настоятельности ее, то нам в самом недалеком будущем придется быть свидетелями преобразования нашего бракоразводного права» (*Загоровский А. И.* О разводе по русскому праву... С. 490). «Жизнь показывает, что реформа бракоразводного института на Руси необходима для сохранения чистоты самого брака...» (*Красножен М. Е.* О разводе в России. М., 1899. URL: [:/azbyka.ru/otechnik/Mihail_Krasnozhen/o-razvode-v-rossii/](http://azbyka.ru/otechnik/Mihail_Krasnozhen/o-razvode-v-rossii/))
- ⁸² *Фриз Г.* Мирские нарративы... С. 179.
- ⁸³ Донос супругов друг на друга, очевидно, при невозможности мирно развестись, был типичным явлением гражданских войн. См.: *Каливас С.* Логика насилия в гражданской войне. М., 2019. С. 588. Так, один француз во время войны в Алжире вспоминал, что в один из дней к нему пришла мусульманка, обвинившая своего мужа, повстанца. «На самом деле ей хотелось избавиться от него, поэтому она поставила нам свои условия: она выдаст нам информацию в обмен на гарантию того, что останется вдовой» (Там же).
- ⁸⁴ Из доклада заведующего административным подотделом отделения управления Приморского губисполкома Сычева об исполнении Декрета об отделении церкви от государства. 23 июня 1924 г. // *Религия и власть на Дальнем Востоке России: Сборник документов.* Хабаровск, 2001. С. 134.
- ⁸⁵ Епископ Герман — Вере Тимофеевне. Январь 1921 г. // *Письма Владыки Германа. Жизнеописание и духовное наследие священномученика Германа (Ряшенцева).* М., 2020. С. 99.
- ⁸⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. М., 1969. Т. 30. Июль 1916 — февраль 1917. С. 125.
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ *Графова М. А.* «Чтобы было прочно». Церковный брак в Советской России 1920-х гг. // *Конфессиональная политика Советского государства в 1920–1950-е годы. Материалы XI Международной научной конференции.* М., 2019. С. 478–487.
- ⁸⁹ Те неполные данные о смертности горожан в годы революции и Гражданской войны, что мы имеем, носят ужасающий характер. См.: *Араловец Н. А.* Городская семья в России 1897–1926. Историко-демографический аспект. М., 2019. С. 164–165.

References

BEGLOV A. L. *A conatus ad coerendam paroeciae sedilio — ad intentiore de parochianis. Paroeciae quaestio in Russian Ecclesia Orthodoxa in 1917–1918* // *The light of Christ enlightens everyone: The Almanac of the St. Philaret Christian Institute.* 2018. Issue 25.

- BELYAKOVA E. V., BELYAKOVA N. A., YEMCHENKO E. B. *Mulier in Orthodoxam fidem: Ecclesia, Legem Russian Usu*. Moscoviae, 2011.
- BIRYUKOVA Yu. A. *Soviet regimen et Orthodoxae communitates Ne in 1920–1930. Natura relationes in terram*. Rostov-na-Donu, 2012.
- Collectio Definitiones et decreta Sancti Concilii Orthodoxam Russian Ecclesia 1917–1918*. Moscoviae, 1994.
- Confessione consilium Victualia Imperium of Russia. Collectio documentorum*. Moscoviae, 2018.
- Confessione consilium de Fontes iuris germanici antiqui status 1917–1924. Documenta et materia*. Moscoviae, 2018.
- NIKOLAEV A. B. *Novarum atris in Petrograd (March — iulii 1917): creatio, compositionem, actio* // The era of wars and revolutions (1917–1922). International Colloquium. Scientific reports. St. Petersburg, 2016. Preprint. Vol. 1. Kn. Tres.
- MIRONOV B. N. *Social History of Russia de XVIII — mane XX saeculorum. Genesis de singulis, populari familia, societatis civilis et regula iuris*. St. Petersburg, 1999. Vol. I.
- LAVROV V. M. *Orthodoxae familia in pre-noua Russia (In journalism secundo dimidio saeculo XIX — initio XX)*. Moscoviae, 2018.
- FRIEZE. G. *"Perniciosa pietatis". Russian Ecclesia et in ruinam Imperii. Collectio articulis. (Scribendarum, praefatione, comments by P. G. Rogozny)*. St. Petersburg, 2019.
- ORESHNIKOV A. V. *Commentarius. 1915–1933*. Moscoviae, 2010. Kn. 1.
- SOKOLOV A. V. *Status et Ecclesia Orthodoxa in Russia februarii 1917 — ianuarii 1918*. St. Petersburg, 2015.
- Sanctum Concilium 1917–1918 in matrimonio Christiano, familia conservationem et causas repudii, Moscoviae, 2018.
- SUDEIKINA Vera. *Commentarius*. Petrograd. Crimaea. Tiflis. 1917–1919. Moscoviae, 2006.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

П. Г. Рогозный. Гражданский брак, развод и революция: Конец семейного насилия или разложение семьи? // Петербургский исторический журнал. 2021. № 3. С. 132–154

Аннотация: Новые власти в конце 1917 г. издали два декрета о браке и о разводе и повторили эти тезисы в Декрете о свободе совести, который вошел в историю под наименованием Декрета об отделении церкви от государства. Эти законодательные акты новой власти провозгласили новый гражданский брак и максимально при этом облегчили развод. Следует отметить, что тот гражданский брак к современному значению этого слова не имеет отношения. Тяжесть, а иногда и невозможность развода в империи было общезвестно. Об изменениях в брачном законодательстве говорили почти все дореволюционные юристы. Больше всего от невозможности развестись страдали женщины. «Нигде так не бьют женщин, как в русской деревне», — писал современник. Большевики провели быструю и радикальную реформу брачных отношений. Они отняли у церкви то, что веками находилось в ее компетенции, — брак и развод. Венчание в церкви становилось необязательным и не имело никаких юридических последствий. Сама реформа породила множество коллизий и вопросов и среди крестьян была не понята, однако постепенно завоевала сторонников даже из числа духовных лиц, так как избавляла церковь от множества юридических проблем.

Ключевые слова: брак, гражданский брак, развод, Гражданская война, революция, Православная церковь, большевики.

FOR CITATION

P. G. Rogozny. Divorce, marriage, and Revolution: The end of domestic violence or the disintegration of the family? // Petersburg historical journal, no. 3, 2021, pp. 132–154

Abstract: The new authorities at the end of 1917 issued two decrees on marriage and divorce and repeated these theses in the decree on "Freedom of Conscience" which went down in history under the name of the decree "On the separation of Church and state". These legislative acts of the new government proclaimed a new civil marriage and at the same time made divorce as easy as possible. It should be noted that civil marriage has nothing to do with the modern meaning of this word. The severity, and sometimes the impossibility, of divorce

in the Empire was well known. Almost all pre-revolutionary lawyers spoke about changes in the marriage legislation. Most of all, women suffered from the inability to divorce. “Nowhere does it beat women so much as in the Russian countryside”, wrote the contemporary. The Bolsheviks carried out a rapid and radical reform of marriage relations. They took away from the church what had been its responsibility for centuries – marriage and divorce. The wedding in the church became optional and had no legal consequences. The reform itself gave rise to many conflicts and questions and was incomprehensible among the peasants. However, it gradually won supporters even from among the clergy, as the church suffered from many legal problems.

Key words: marriage, civil marriage, divorce, civil war, revolution, Orthodox Church, Bolsheviks.

Автор: **Рогозный, Павел Геннадьевич** — к.и.н., научный сотрудник отдела революций и общественного движения в России СПбИИ РАН.

Author: **Rogozny, Pavel Gennadyevich** — PhD in History, Researcher at the Department of Revolutions and Social Movement in Russia of the St. Petersburg Institute of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: rorozny@yandex.ru